

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-3-530-539
EDN: LAVAJ0
УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Восстановление времени: Анри Бергсон и Владимир Набоков

Д.А. Бережнов , А.В. Леденев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51*

 aledenev@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – интерпретация идеи «восстановления времени», общей для текстов русского писателя Владимира Набокова и французского философа-интуитивиста Анри Бергсона. Предлагается истолкование мотива «восстановления времени» в текстах Владимира Набокова посредством философии Анри Бергсона. В художественной системе Владимира Набокова «время есть только память в процессе развития», а сама память представляет собой дрящущий процесс и никогда не бывает статичной. В связи с этим традиционное представление о том, что реставрация прошлого представляет собой восстановление и запись предыдущих «мгновений», не может считаться релевантной для набоковской стратегии. По результатам изучения феномена делается вывод, что в системе Набокова восстановление времени (прошлого) должно становиться восстановлением самого движения наших воспоминаний, постоянно «приливающих» к настоящему. Динамику этого процесса Бергсон рассматривал как феномен «чистой памяти», понятого как постоянный «напор» воспоминаний на настоящее и как сущность «длительности»: подлинного внутреннего времени, неделимого на мгновения, непрерывно растущего и становящегося потоком наших впечатлений. Таким образом, бергсоновская философия справедливо претендует на объяснение и философское осмысление большого количества набоковедческих проблем, как периферийных, так и магистральных.

Ключевые слова: память, восприятие, польза, утилитаризм, греза, длительность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 июня 2023 г.; отрецензирована 5 июля 2023 г.; принята к публикации 13 июля 2023 г.

Для цитирования: *Бережнов Д.А., Леденев А.В.* Восстановление времени: Анри Бергсон и Владимир Набоков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 3. С. 530–539. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-3-530-539>

© Бережнов Д.А., Леденев А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Restoration of time: Henry Bergson and Vladimir Nabokov

Denis A. Berezhnov^{ID}, Alexander V. Ledevyev^{ID}✉

*Lomosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, bldg 51, Moscow, 119991, Russian Federation*
✉ aledenev@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to interpret the idea of “restoring time”, common to the texts of the Russian writer Vladimir Nabokov and the French intuitionist philosopher Henri Bergson. The concept of “restoration of time” in Vladimir Nabokov’s texts, viewing it through the lens of Henri Bergson’s philosophy is explored. According to Nabokov “time is essentially memory in the process of its unfolding”. Moreover, that memory itself is a dynamic and never-changing process. Therefore, the conventional notion that restoring the past is simply about retrieving previous “moments” does not hold true in Nabokov’s approach. As a result of studying the phenomenon, it is concluded that in Nabokov’s system the restoration of time (the past) should become the restoration of the very movement of our memories, constantly “flowing” to the present. The reconstruction of time (the past) should focus on capturing the very movement of our memories, which continuously flow from the past to the present. Bergson referred to this movement as the basis of “pure memory” phenomenon, understood as the constant pressure of memories on the present and as the essence of “duration”: genuine inner time, that cannot be divided into moments, but rather is an uninterrupted ever-growing stream of our impressions. Thus, the Bergson’s philosophy effectively addresses numerous Nabokovian issues, both peripheral and central.

Keywords: memory, perception, utility, practice, utilitarianism, dream, duration

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 1, 2023; revised July 5, 2023; accepted July 13, 2023.

For citation: Berezhnov, D.A., & Ledevyev, A.V. (2023). Restoration of time: Henry Bergson and Vladimir Nabokov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(3), 530–539. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-3-530-539>

Введение

Тема памяти в текстах Набокова имеет чуть ли не первоочередное значение (Аверин, 2003, с. 5). Она разрабатывалась писателем от самых первых литературных опытов, так что полноценное осмысление набоковских текстов, на наш взгляд, едва ли возможно, если не сформулировать сущность и цель набоковского обращения к памяти.

Действительно, если обращаться ко многим набоковским проблемам (например, проблеме сознания), мы вынуждены работать на территории, посвященной проблеме памяти, которая расширяется до вопросов метафизического порядка. Таковой она представлена в работах А.А. Долинина (Долинин, 2019, с. 56), Б. Бойда (Бойд, 2001, с. 330) и др. Тем не менее она, по нашему убеждению, по-прежнему ограничивается «предварительными замечаниями»: чтобы понять, что такое память, нужно уяснить, как она работает изнутри.

Есть несколько подходов к проблеме памяти в текстах Набокова. Креативная память, понятая как анамнезис (Злочевская, 2012), составляет один из них и интересует нас в меньшей мере, поскольку отражает только одну из сторон вопроса. Другой подход – это истолкование *категории времени*, которого мы будем придерживаться: «Философски же, – писал Набоков, – время есть только память в процессе его развития» (Набоков, 2022, с. 566). В таком случае память и есть подлинное время. Последний тезис подводит нас к философии Анри Бергсона.

Перспективность бергсоновской философии при трактовке целого множества набоковских проблем стала вещью безусловной и само собой разумеющейся. Тем более странно, что при множественных упоминаниях Бергсона в набоковедении (от книги Шаховской «В поисках Набокова» (Шаховская, 1979, с. 122) до последней работы Г. Барабтарло «Я/сновидение Набокова» (Барабтарло, 2021, с. 18), учение Бергсона, увы, так и не вошло в набоковедческий инструментарий¹.

Обыкновенно память рассматривается исследователями Набокова как средство увенчания «личного бессмертия». Задача Набокова в таком случае заключается в реставрации воспоминаний, сохранении прошлого. Однако принцип самой реставрации, по нашему мнению, зачастую понимается неверно. Недоразумение, надо полагать, происходит из того, что память представляется нам как нечто статичное, подобное книгам, «разложенным на полочках» (Бергсон, 2001, с. 48). Однако чистая память, по мысли Бергсона, есть беспрестанно растущая и неделимая на моменты *последовательность* состояний от самого рождения. Бергсон называет ее «длительностью» – психологической *тканью* внутренней жизни (Бергсон, 2001, с. 238) – и она приближает нас к тому, что Набоков подразумевал под «*текстурой времени*»². Именно она и является предметом «реставрации»³.

Итак, сформулируем гипотезу: восстановлению подлежит само *движение* воспоминаний, в то время как пространственные снимки прошлого (так называемые мгновения) не могут становиться предметом реставрации⁴. Бу-

¹ Тем не менее мы не можем не упомянуть следующие работы, по нашему мнению, все-таки оставляющие лакуны в теме Бергсона и Набокова именно в ракурсе литературоведческой интерпретации категории памяти: Toker, 2002; Glynn, 2007; Mattison, 2013; Lyaskovets, 2013.

² Мы, пожалуй, должны пояснить метафору «текстуры». Чистая память, будучи процессуальной, вторгается в настоящее в тот момент, когда происходит связывание наличного и прошлого образов по принципу сходства. В таком случае воспоминания образуют линии, или узоры, то есть – определенные внутренние порядки связи. Они прочерчивают разнородные темы внутри «текстуры» и разветвленную картину внутреннего времени, всегда единого, хоть и разнородного.

³ Бергсоновское понимание памяти узнается, например, в романе «Машенька», где вокруг «преобладающего воспоминания» (образа героини) производится поступательное и интегральное восстановление всего пути от прошлого к настоящему.

⁴ Ср. перечисление изолированных воспоминаний 1888, 1883 и 1880 гг. и вывод Набокова в «Текстуре времени»: «Такие образы ничего не говорят нам о текстуре времени, в которую они вплетены» (Набоков, 2022, с. 545). Далее, он скажет, что образы, накладываясь друг на друга, образуют «составные образы» (проще говоря, тематические узоры) и рисуют внутреннюю временную ткань (Набоков, 2022, с. 566).

лучи статичными, они, наоборот, лишают чистую память всей жизненной силы и разъединяют воспоминания друг от друга: восстанавливать мгновения значило бы восстанавливать пространство, а не время. Время же является единым и непрерывным становлением и напором наших воспоминаний на настоящее. Восстанавливать время – значит восстанавливать движение воспоминаний⁵.

Когда мы размышляем на тему памяти, полагает Бергсон, мы идем по неправильному пути. Воспоминания никогда не стоят на месте, бездвигно, бездеятельно. К чистой памяти нельзя применить слово *было*, потому что она непрерывно *есть* и постоянно *напирает* на настоящее. Бергсон писал по этому поводу: «Без сомнения, в любой момент оно (прошлое. – Д.Б., А.Л.) следует за нами целиком: все, что мы чувствовали, думали, желали со времен раннего детства, все это тут – все тяготеет к настоящему, готовому к нему присоединиться, все напирает на дверь сознания, стремящегося его отстранить» (Бергсон, 2001, с. 42). Приведенная цитата затрагивает проблемы, развернутые в «Материи и памяти».

Обсуждение

«Материя и память»

«Материя и память» была написана Бергсоном в 1896 г. Центральной проблемой книги, как известно, являлось преодоление картезианского дуализма, исходя из которого прежняя философия не могла найти точек соприкосновения между «непротяженными представлениями» (духом) и «протяженностью образов» (материей). Дуализм Бергсона, однако, есть по-прежнему дуализм, поскольку отчетливо различает то, что относится к духу, и то, что относится к телу, но становится подчеркнуто динамическим, предполагая открытое взаимодействие между полюсами. Связующей нитью между материей и духом, по мысли философа, выступает память.

Наиболее важной для нас в ходе рассуждения о Набокове будет именно *динамика перехода* от восприятия к воспоминанию. Картина восприятия, по Бергсону, представляет собой «двойное движение» в центр из двух противоположных точек: от «чистого восприятия» (материи) и от «чистого воспоминания» (духа) в пункт нашей актуальной активности (точка настоящего). Ни первое, ни второе, однако, никогда не встречается в чистом виде: любое восприятие осуществляется сквозь воспоминания.

Восприятие, согласно Бергсону, является подготовкой к действию на внешний образ⁶, внутри которого различаются центры нашей возможной активности. Воспринимать, по Бергсону, значит принимать воздействия, ис-

⁵ «Временем, – писал Набоков про Ганина, – для него был ход его воспоминания, которое развертывалось постепенно» (Набоков, 2009, с. 85)

⁶ *Образ* – понятие, вызвавшее полемику после публикации «Материи и памяти» и вынудившее Бергсона специально обговорить, что он имеет в виду под словом «образ»: «Под „образом“ же мы понимаем определенный вид сущего, который есть нечто большее, чем то, что идеалист называет представлением, но меньшее, чем то, что реалист называет вещью, – вид сущего, расположенный на полпути между „вещью“ и „представлением“» (Бергсон, 1992, с. 160).

ходящие от образов, и подготавливать ответное воздействие на них. Восприятие, полагает философ, выполняет только практическую функцию и ориентирует нас среди материальных вещей. Движение материи («конкретная протяженность») представляет собой неделимое становление образов, продолженных друг в друге. Бергсон называет это движение «универсальным континуумом» (Бергсон, 1992, с. 285). Согласно философу, мы воспринимаем только то, на что можем действовать, но, чтобы осуществить действие, мы должны «останавливать» всеобщее движение и различать в нем предметы. В связи с этим Бергсон уподобляет восприятие ножницам⁷, которые режут непрерывность конкретной протяженности на статичные образы (Бергсон, 2001, с. 48).

Отсюда возникает первый из типов памяти, выделяемых Бергсоном, *память тела*. Она, в сущности, не является *памятью*, но представляет собой, скорее, *навык*, подчиняясь которому мы автоматически организуем поведение в той или иной обстановке. Такая «память» вырабатывается в ходе постоянного повторения и выполняет только практическое назначение (например, повседневные движения по типу завязывания шнурков).

Чистому восприятию противопоставляется «полнейшая бездейственность чистого воспоминания», не имеющего никакой практической ценности (Бергсон, 1992, с. 248). Это могут быть воспоминания из нашего детства, запахи, фрагменты виденного, вытесненные ввиду их неприменимости к действию. Удаляясь от практики, – повторяет Бергсон, – «мы окончательно оставляем материю и вступаем в область духа (Бергсон, 1992, с. 307). Чистое восприятие Бергсон называет «средой действия» (практики), чистую память – «средой грез» (созерцания). *Чистая память*, избавленная от утилитарных потребностей, называется Бергсоном интегральной, или тотальной. Она представляет собой пассивное и непрерывное накопление всего прожитого, нюансированного всеми красками, *тотальное* не только потому, что ничего не может быть из него исключено, но и потому, что чистая память, протекая и сохраняясь без нашего ведома, интегрируется в широкую последовательность, недоступную для деления на моменты.

Если мы говорили, что воспоминание извлекается из области духа, независимого от тела, и ведет запись помимо него, то и при возникновении воспоминание либо полностью подчиняется требованию минуты, отвердевая во внешнем образе, либо примешивает к восприятию «частичку грез», которая отклоняет нас в область того, что не существует по определению и не имеет никакой протяженности, то есть – область воспоминаний и воображения. Весь роман «Дар» строится на таких переходах «от факта к фантазии», то есть от восприятия к воспоминанию. Сам Набоков, цитируя «Капитанскую дочку», говорит про «существенность», которая «уступает мечтаниям» (Набоков, 2002, с. 208). Собственно, для обоих – и Набокова, и Бергсона – «чистое воспоминание» и «мечта» – это синонимы. Воспоминание есть отрешенность от действия: для того чтобы погрузиться в воспо-

⁷ Ср. «Текстура времени»: «Пространство опускается на землю, но Время остается между мыслителем и большим пальцем, когда мосью Бергсон работает своими ножницами» (Набоков, 2022, 541).

минание, пишет Бергсон, нужно «научиться ценить бесполезное, надобно хотеть пометать» (Бергсон, 1992, с. 208). Набоков же называет творческое состояние *деятельной ленью*, то есть внутренней работой сознания, лишенной всякой практической пользы (Набоков, 2002, с. 267).

Обыкновенно воспоминание вспыхивает в сознании при восприятии сходства. Смутное сходство пробуждает сильный наплыв, так что многие из воспоминаний приводят к «нарушению практического характера жизни»: «Смутные воспоминания, не относящиеся к наличной ситуации, могут возникать за пределами утилитарно ассоциированных образов, слагаясь вокруг них в слабо освещенное окаймление, которое теряется в окружающей его огромной темной зоне» (Бергсон, 1992, с. 210). Например, воспоминания становятся причиной нарушений восприятия: Лужин, когда видит, что «каменные столбы с урнами, стоявшие на четырех углах садовой площадки, угрожают друг другу по диагонали», подменяет наличный образ воспоминанием шахматного слона (Набоков, 2009, с. 337). Воспоминание как бы мерцает на периферии и просачивается в настоящее⁸. Память в данном случае выполняет функцию воображения⁹. Однако сознание может проваливаться в «область грез», если смещается от предмета на периферию. В таком случае появляется возможность достичь чистой длительности, то есть «обрести время». Чем сильнее сознание «выключается» из настоящего (среды действия), тем дальше оно отодвигается от времени однородного и исчислимого. На самой глубине оно обнаруживает единый, нерасчленимый, разнородный поток, где воспоминания вливаются друг в друга. Читаем в «Даре»:

«Он пошел дальше, направляясь к лавке, но только что виденное (отражение неба на зеркальном шкапу. – Д.Б., А.Л.), – потому ли, что доставило удовольствие родственного качества, или потому, что встряхнуло, взяв врасплох (как с балки на сеновале падают дети в податливый мрак), – освободило в нем то приятное, что уже несколько дней держалось на темном дне каждой его мысли, овладевая им при малейшем толчке: вышел мой сборник; и когда он, как сейчас, ни с того ни с сего падал так, то есть вспоминал эту полусотню только что вышедших стихотворений, он в один миг мысленно пробегал всю книгу, так что в мгновенном тумане ее безумно ускоренной музыки не различить было читательского смысла мелькавших стихов, – знакомые слова проносились, крутясь в стремительной пене (кипение сменявшейся на мощный бег, если привязаться к ней взглядом, как дельвали мы когда-то, смотря на нее с дрожавшего моста водяной мельницы, пока мост не

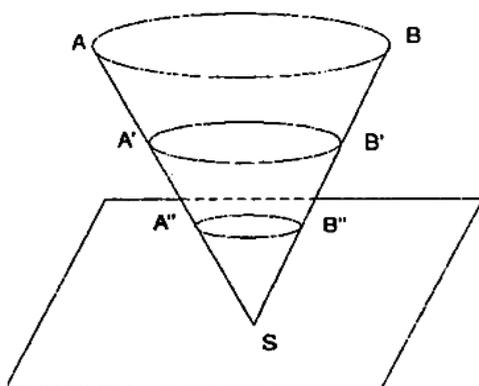
⁸ Ср. в «Текстуре времени»: «Ретроспективный образ (видимый отдельно от его материальной копии) мерцает в воображаемом пространстве» (Набоков, 2022, с. 545).

⁹ Соотношение памяти и воображения не входит в задачи текущей работы. Однако следует сказать, что, например, Блюмбаум был не совсем прав, указывая на расхождение между Бергсоном и Набоковым в этом вопросе (Блюмбаум, 2007). Если держать в уме, что Бергсон неоднократно использовал *воображение* в качестве синонима слова *греза* и прямо называл чистую память *воображающей* (Бергсон, 1992, с. 255), то мы получим понимание, близкое Набокову: «Память, – говорил он, – есть только род воображения». Сложность при трактовке этого понятия состоит в том, что Бергсон периодически использует *воображение* в кантовском смысле: как связывание чувственных данных в рассудке. Тем не менее можно быть уверенным, что чистую память Бергсон считал именно воображающей.

обращался в корабельную корму: прощай!), – и эта пена, и мелькание, и отдельно пробежавшая строка, дико блаженно кричавшая издали, звавшая, вероятно, домой, все это вместе со сливочной белизной обложки, сливалось в ощущение счастья исключительной чистоты... „Что я собственно делаю!“ – спохватился он...» (Набоков, 2002, с. 194).

Попробуем обрисовать принцип такого восхождения к воспоминанию, как оно видится Бергсону. Актуализация воспоминания, согласно ему, проходит по срезам сознания, совершаясь «усилием экспансии, посредством которого память <...> распространяет свои воспоминания на все более и более обширную поверхность» (Бергсон, 1992, с. 268). Захватывая большие зоны, внимание захватывает и новые воспоминания: сознание расширяется на ступень, где воспоминания различить невозможно. Они становятся, не застывая, текут, не останавливаясь: длительность становится границей любого определения. Если же сознание захочет локализовать (определить) воспоминание, оно выносит из глубины только неподвижные понятия и обескровливает время. Оттого оно и должно сохранять первоначальный синкретический динамизм, который и называется *длительностью*.

Возьмем в качестве пояснения рисунок из «Материи и памяти» (Бергсон, 1992, с. 262). Перевернутый конус, поставленный вершиной на плоскость, основанием расширяется в бесконечную туманность воспоминаний. Острая вершина конуса нацеливается на точку нашего действия (пункт S), восхождение же к воспоминанию направлено от вершины к основанию АВ (рисунок). Пользуясь рисунком, будет проще продемонстрировать, как воспоминание извлекается нами из прошлого.

Актуализация воспоминания

Для введения воспоминания в актуальное восприятие необходимы «точки опоры», или «преобладающие воспоминания», «вокруг которых остальные образуют смутную туманность» (Бергсон, 1992, с. 267). В случае вышеприведенного примера – это образ сборника (A'B''), но и он возникает только под влиянием другого воспоминания. Вспомнить про публикацию заставляет «параллелепипед белого ослепительного неба» (A'''B'''), доставивший удовольствие «родственного качества» (близость по сходству впечатлений). Круг расширяется, подключая единицы на других уровнях. Всего

их четыре. На последнем они смешиваются до неразличения. Табачная лавка (наличное, точка S) забывается совершенно: «Что я собственно делаю!», – восклицает повествователь. Наиболее близкий к настоящему времени уровень (*отражение неба*) открывает дорогу для следующего (*публикация сборника*), которое захватывает за собой третье (*детство*), возникшее из попутного сравнения (*ныряние в сено*). Третий уровень (A'B') расширяет сознание до четвертого, расположенного на глубине становления, где и детство, и стихи, и зов матери, и река, и мост, и книжная обложка сливаются в «стремительной пене» (AB). На четвертом уровне мы и достигаем чистой памяти. Проследим путь: отражение неба (A''B'') → публикация (A'B') → детство (A'B') → интеграция уровней (AB). Собственно, набоковская метафора – *мгновенный туман безумно ускоренной музыки* – отлично подходит для характеристики длительности. Сознание, расширяясь к основанию, помещается в недифференцированный поток, невыразимый на языке статичных понятий. В этом и заключается реставрация чистой памяти путем запечатления контаминированного потока в непосредственном виде.

Заключение

Восстановление времени не подразумевает *суммирование* всей совокупности воспоминаний, явленных перед нами раздельными фотографическими рядами. Это не сохранение «моментов», как обыкновенно понимают, например, «импрессионизм»: импрессионизм никогда не изображал мгновение, но только скольжение и движение этого мгновения, его эфемерность (см. стихотворение Набокова «Ласточка»). Воспоминания должны представлять в виде непрерывной мелодии, лишенной пространственных характеристик, то есть не как совокупность моментов, но как непрерывная линия от прошлого к настоящему, чистое движение. Оттого и возникает «панорамное видение прошлого» («гипермнезия», по Жоржу Пуле (2009)), когда вереница прожитого *последовательно* (хоть и, казалось бы, «моментально») заполняет весь интервал от рождения до настоящего.

Попробуем сделать выводы на основании последней строфы из «Парижской поэмы». Набоков интерпретирует восстановление внутреннего целого как последовательное распутывание воспоминаний по принципу спонтанного сходства. См.: «Но с далеким найдя соответствие / очутиться в начале пути, / склониться – и в собственном детстве / кончик спутанной нити найти. / И распутать себя осторожно, / как подарок, как чудо, и стать / серединою многодорожного / громогласного мира опять» (Набоков, 2008, с. 426). К тому же относится и метафора «складывания ковра»: промежуток между «узорами» (сходствами), по метафоре Набокова, представляет «распутанную нить». Когда они накладываются друг на друга, воскрешается мелодический *интервал* (временная нить) между ними¹⁰.

¹⁰ В таком смысле и нужно трактовать отрывок из «Других берегов»: «Я с удовлетворением отмечаю высшее достижение Мнемозины: мастерство, с которым она соединяет разрозненные части основной мелодии, собирая и стягивая ландышевые стебельки нот, повисших там и сям по всей черновой партитуре былого» (Набоков, 2008, с. 259).

«Прошлое, по сути своей виртуальное, – писал Бергсон, – может быть воспринято нами как прошлое, только если мы *проследим и освоим то движение*, посредством которого оно развивается в образ настоящего, выступая из сумерек на яркий свет» (Бергсон, 1992, с. 244). В «Парижской поэме» воспоминания, подобно облакам, «*стремятся*» навстречу настоящему («ко мне напрямик»). Мы последовательно «распутываем» весь путь (восходящий синтаксис последнего предложения) и восстанавливаем линию целиком, когда воспоминания наконец выводятся на свет узнавания: «По сверканью, по мощи прищуриться / и узнать свой сегодняшний миг» (Набоков, 2008, с. 426).

Попробуем подвести итоги. Философия Анри Бергсона, как нам представляется, может выступать перспективным ключом для истолкования целого ряда фундаментальных проблем, поставленных современным набоковедением. В категориях бергсонизма могут быть осмыслены не только периферийные (например, проблемы памяти и воображения, нарушений восприятия и т. п.), но и магистральные темы Набокова. Последний предел всего творчества писателя – здесь, разумеется, большую роль сыграло увлечение Прустом – интеграция и восстановление времени, содержащегося в чистой памяти, интерпретируется наиболее продуктивно именно посредством Бергсона. Так, исходя из нашей предпосылки, действительное «восстановление времени» подразумевает реставрацию восходящего непрерывного *движения* чистых воспоминаний.

Список литературы

- Аверин Б.А. Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003.
- Барабтарло Г. Я/сновидения Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2021.
- Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 томах. Том 1. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. М.: Московский клуб, 1992.
- Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Терра-Книжный клуб, 2001.
- Блюмбаум А. Антиисторицизм как эстетическая позиция: к проблеме: Набоков и Бергсон // Новое литературное обозрение. 2007. № 4. С. 134–168.
- Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы. СПб.: Симпозиум, 2001.
- Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове. СПб.: Симпозиум, 2019.
- Злочевская А.В. Креативная память как доминанта творческого процесса в романе В. Набокова «Дар» // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 88–113.
- Набоков В.В. Ада, или Отрада: семейная хроника. М.: АСТ: Corpus, 2022.
- Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 томах. Том 5. Волшебник. Solus Rex. Другие берега. Рассказы. Стихотворения. СПб., 2008.
- Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 томах. Том 2. Машенька. Король, дама, валет. Защита Лужина. Рассказы. Стихотворения. СПб., 2009.
- Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 томах. Том 4. Дар. Приглашение на казнь. Рассказы. СПб., 2002.
- Пуле Ж. Тема панорамного видения прошлого и рядоположение // Логос. 2009. № 3. С. 218–237.
- Шаховская З.А. В поисках Набокова. Париж: La Presse Libre, 1979.
- Glynn M. Nabokov and Bergson // Vladimir Nabokov. New York: Palgrave Macmillan, 2007. https://doi.org/10.1007/978-1-137-10907-1_4

- Lyaskovets T.* Approaching Nabokov with Bergson on Time: why spatializing time? // Kaleidoscope. 2013. Vol. 5. No. 2. URL: <https://community.dur.ac.uk/kaleidoscope/index.php/kaleidoscope/article/view/70> (accessed: 24.01.2023).
- Mattison L.* Nabokov's aesthetic Bergsonism: an intuitive, re-perceptualized time // Mosaic. 2013. Vol. 46. No. 1. Pp. 37–52.
- Token L.* Nabokov and Bergson on duration and reflexivity // Nabokov's World. 2002. Vol. 1. Pp. 132–140.

Сведения об авторах:

Бережнов Денис Алексеевич, аспирант, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; младший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького, Российская академия наук, Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а. ORCID: 0000-0002-0680-4136. E-mail: inlitdenis-berezhnov@yandex.ru

Леденев Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX века и современного литературного процесса, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; декан филологического факультета, Совместный университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика, 518172, Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюеюань, д. 1. ORCID: 0000-0001-9069-9369. E-mail: aledenev@mail.ru